

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2017](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017)

С. В. Расторгуев, Ю. С. Тянь

ПРОТЕСТНЫЙ ЭКОАКТИВИЗМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ «КРАСНОЯРСКОГО КЕЙСА»)

Правильная ссылка на статью:

Расторгуев С. В., Тянь Ю. С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 53—75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>.

For citation:

Rastorguev S. V., Tian Y. S. (2021) Protest Eco-Activism in the Digital Environment (On the Example of the "Krasnoyarsk Case"). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 53–75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>. (In Russ.)

ПРОТЕСТНЫЙ ЭКОАКТИВИЗМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ «КРАСНОЯРСКОГО КЕЙСА»)

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: fomalga71@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>

ТЯН Юлия Сергеевна — магистрант Высшей школы государственного администрирования, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: julia.jang04@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0001-6962-512X>

Аннотация. Предмет исследования настоящей статьи — протестный экоактивизм в цифровой среде на примере резонансного «Красноярского кейса». С использованием тематического моделирования методом латентного размещения Дирихле (LDA) проанализированы комментарии к постам на экологическую тематику в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter, Facebook, Instagram за период 1 января 2021 г. — 14 июня 2021 г. Выделены шесть ключевых тем, две из которых идентифицированы как наиболее протестные. Эти две протестные темы обусловлены негативными экстерналиями хозяйственной деятельности предприятий, недовольством качеством политического менеджмента государственных органов.

«Красноярский кейс» протестного онлайн экоактивизма исследован по региональным эко-сообществам

PROTEST ECO-ACTIVISM IN THE DIGITAL ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE "KRASNOYARSK CASE")

Sergey V. RASTORGUEV¹ — Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science
E-MAIL: fomalga71@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>

Yulia S. TYAN² — Master's student of the Higher School of Public Administration
E-MAIL: julia.jang04@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0001-6962-512X>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The subject of this article is protest eco-activism in the digital environment on the example of the resonant “Krasnoyarsk case”. Using thematic modelling by latent Dirichlet placement (LDA), we analyzed comments on environmental topics on social media VKontakte, Odnoklassniki, Twitter, Facebook, and Instagram for January 1, 2021 — June 14, 2021. We highlighted six key themes and identified two of them as the most “protest”. These two protest themes are mainly caused by negative externalities of the economic activities of enterprises and dissatisfaction with the quality of political management of state bodies.

The “Krasnoyarsk case” of online protest eco-activism was studied on the regional eco-communities VKontakte using the information and analytical system “Medialogia”. An analysis of the offline activity of protesters and data on the involvement of users of eco-communities on VKontakte in the “Krasnoyarsk case”

«ВКонтакте» с использованием информационно-аналитической системы «Медиалогия». Анализ офлайн активности митингующих и данных вовлеченности пользователей эко-сообществ «ВКонтакте» по «Красноярскому кейсу» не позволяет утверждать, что существует прямая зависимость между высокой вовлеченностью и большим количеством митингующих. Авторы пришли к выводу о ситуативном, контекстном характере офлайн-протестов. Цифровое участие в кейсе лидеров общественного мнения способствует привлечению внимания широкой интернет-аудитории и рассмотрению локальной ситуации как части национальной или мировой повестки.

Предложенный авторами индекс протестного экоактивизма позволяет произвести скоринг конкретного кейса на основе критериев локализации, интенсивности, политизации, текущего статуса ситуации и потенциала конфликтности. Ранг индекса дает информацию ключевым стейкхолдерам в лице общества, бизнеса, государства о текущем положении и потенциальных вариантах развития событий для принятия стратегических и тактических решений.

Ключевые слова: протестный экологический активизм, экологические проблемы, индекс протестного экоактивизма, цифровое участие, экологическая повестка

does not allow us to assert that there is a direct relationship between high involvement and a large number of protesters. The authors concluded the situational and contextual nature of offline protests. Digital participation of opinion leaders in the case helps attract the attention of a broad Internet audience and consider the local situation as part of the national or global agenda.

The index of protest eco-activism proposed by the authors allows scoring a specific case based on the criteria of localization, intensity, politicization, the situation's current status, and the potential for conflict. The rank of the index provides information to key stakeholders in the face of society, business, and government about the current situation and potential scenarios for the development of events for making strategic and tactical decisions.

Keywords: protest environmental activism, environmental problems, index of protest eco-activism, digital participation, environmental agenda

Экологическая повестка дня

Проблематика протестного экоактивизма связана со взаимоотношениями, которые складываются между акторами в лице органов государственной власти, компаний различных форм собственности, общественных организаций и граждан по вопросам использования и/или охраны окружающей среды. Поскольку значи-

тельная часть экологической повестки дня формируется в связи с существующими или будущими неблагоприятными последствиями от хозяйственной деятельности экономических субъектов и конечного потребления продукции (отрицательные экстерналии), то ее анализируют в рамках теории внешних эффектов [Buchholz, Rübbecke, 2019: 13—36; Endres, 2011: 32—99; Hsiang, Oliva, Walker, 2017: 3—23]. Стейкхолдерами, стремящимися максимизировать прибыль/выгоду, в данном случае выступают бизнес, государство, общество, чьи стратегии в идеальной модели представляют собой игру с положительной суммой, а в реальных ситуациях чаще оказываются игрой с нулевой суммой. Для российских мегаполисов эксперты предполагают патерналистскую модель решения экологических проблем, когда государство с помощью юридических, финансовых, информационных ресурсов осуществляет стратегическую экологическую политику, оставляя гражданскому обществу локальные и тактические вопросы [Яницкий, 2018].

Общество, представленное НКО и группами индивидов, может выступать проактивно и реактивно. Проактивный экоактивизм, включающий в себя такие формы поведения как раздельный сбор мусора, минимизация использования пластика, волонтерство, краудсорсинг, краудфандинг, создание экологических приложений, онлайн-карт и т. д., не является предметом данного исследования. Реактивный экоактивизм в офлайн— и онлайн-форматах может анализироваться как петля обратной связи, протестная реакция на осуществляемые или подготавливаемые действия хозяйствующих субъектов, регламентирующие решения органов государственной власти и местного самоуправления.

Актуальность экологической повестки для стейкхолдеров в России можно оценить исходя из статистических данных, рейтингов состояния окружающей среды, опросов общественного мнения, современных мировых трендов. С 2003 по 2019 гг. объем отходов производства и потребления в России утроился с 2 613,5 млн т. до 7 750,9 млн т., в то время как расходы на охрану окружающей среды в процентах к ВВП сократились на 0,5 % с –1,3 % в 2003 г. до 0,8 % в 2019 г.¹ «Индекс экологической эффективности 2020 г.» Йельского университета, оценивающий эффективность 11 показателей окружающей среды 180 стран мира, позиционирует Россию в конце пятой десятки в соседстве с Бахрейном, Эквадором, Венесуэлой, Украиной². Данная позиция предполагает наличие достаточного количества экологических проблем. «Национальный экологический рейтинг регионов», составленный зимой 2020—2021 гг. Общероссийской общественной организацией «Зеленый патруль» выделяет экологически неблагополучные регионы, где вопросы защиты окружающей среды наиболее актуализированы: Иркутская, Омская, Челябинская, Свердловская области, Красноярский и Забайкальский край³. В 2020 г. в Красноярском крае и на Камчатке произошли две масштабные экологические катастрофы, привлечшие внимание федеральных и мировых СМИ.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Образование отходов производства и потребления. Расходы на охрану окружающей среды по Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 10.12.2021).

² The Environmental Performance Index 2020. URL: <https://envirocenter.yale.edu/2020-environmental-performance-index> (дата обращения: 10.12.2021).

³ «Национальный экологический рейтинг регионов» по итогам зимы 2020—2021. URL: <http://www.greenpatrol.ru/ru/novosti/nacionalnyy-ekologicheskiy-reyting-regionov-po-itogam-zimy-2020-2021-gg> (дата обращения: 10.12.2021).

В работе, посвященной анализу онлайн-практик гражданского и политического активизма среди российской молодежи в сети «ВКонтакте», было выявлено, что самый неблагоприятный для государственной власти дискурс сформировался в политических сообществах именно по вопросам экологии [Бродовская, Домбровская, Карзубов 2020: 24]. Популярный в странах ЕС «рейтинг ESG» компаний, демонстрирующий активность в защите окружающей среды, социальную ответственность и высокое качество управления, предполагает учет указанных характеристик при принятии решений по инвестированию. ESG-рейтинг российских компаний в сфере экологии возглавляют «Полиметалл», «ЛУКОЙЛ», «СИБУР-холдинг»⁴. Страны ЕС разрабатывают проект «углеродного налога», нацеленный на минимизацию выбросов парниковых газов и значительно увеличивающий издержки российских экспортеров металлургического сектора. Ориентация российских транснациональных компаний на международные экологические стандарты, проекты «зеленой энергетики», ратификация Россией Парижских соглашений в 2019 г., делают экологическую повестку дня актуальной для крупного бизнеса и государственных органов. Экологичность производства и минимизация отрицательных экстерналий бизнеса становятся компонентами обязательного стандарта транснациональных корпораций.

Однако опросы общественного мнения не фиксируют существенной озабоченности россиян экологической тематикой. По данным ВЦИОМ, в 2020 г. 68% россиян оценили экологическую ситуацию в регионе проживания как хорошую и удовлетворительную, хотя за последние 2—3 года около трети опрошенных отметили ухудшение экологической обстановки⁵. При опросе 2020 г., который предполагал выбор вопроса для Президента РФ, экологическая тематика разделила 15—20 места, значительно уступив социально-экономическим и политическим сюжетам⁶. При этом следует отметить вероятность попадания части экологической повестки дня, в том числе протестной, в рубрику «политика» [Каминская, Помигуев, Назарова, 2019: 393].

В России не сформировалась сколь-нибудь влиятельная «зеленая партия», ставящая в основу программы экологические ценности. Проект партии «Зеленая альтернатива», созданной в декабре 2019 г., в очередной раз тестирует применимость к России теории Р. Инглхарта о замещении ценностей выживания постматериалистическими ценностями самовыражения [Инглхарт, 2018:40]. В программах парламентских партий под выборы 2016 г. экологическая тематика была относительно развернуто представлена только у «Справедливой России», которая получила наименьшую поддержку избирателей. В экологических протестах активную позицию занимают прежде всего оппозиционные партии и движения, стремящиеся заработать политический капитал на поддержке локальных акций.

⁴ ESG-рейтинг российских компаний (май 2021 года). URL: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating (дата обращения: 10.12.2021).

⁵ Аналитический доклад. Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu/> (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ Общественное мнение — 2020. М.: Левада-Центр, 2021. С. 82. URL: <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2020/> (дата обращения: 10.12.2021) (данный материал создан и распространен некоммерческой организацией, признанной выполняющей функции иностранного агента).

В непростой ситуации оказались российские экологические организации и отдельные эоактивисты, поскольку их деятельность как в силу объективных, так и субъективных причин, стала рассматриваться государством через призму не столько собственно защиты окружающей среды, сколько с позиции политического участия [Цепилова 2019: 24]. Анализ цифровых петиций на платформе Change.org в период 2012—2017 гг., дающих практически неограниченную возможность для артикуляции проблем, показал, что экологическая тематика обогнала здравоохранение, образование и экономику, но существенно уступила тематике общества, политики, культуры [Ради́на, Крупная 2019: 119].

Концептуализация протестного эоактивизма в цифровой среде

Феномен протестного эоактивизма в цифровой среде на теоретическом уровне осмысливается в рамках нескольких политологических концепций. Концептуальные рамки гражданского участия очерчивают практики инициативных добровольных действий граждан, направленных на достижение коллективных целей. С. Верба включал в гражданское участие не только реальную деятельность по оказанию влияния на государственные структуры, но и саму возможность проявления инициативы или же отказа от ее проявления. Конкретная реализация форм гражданского участия достигает эффекта только в случае взаимных ресурсных обменов представителей общества и государства [Verba, 1967:62]. Данное положение С. Верба, акцентирующее формальные и неформальные нормы, мотивы проявления публичной активности, структуру обменов ресурсами государственных и общественных акторов, представляется достаточно актуальным. Р. Патнэм трактовал гражданское участие в более широком контексте, включая в него широкий спектр «неполитических» практик, нацеленных на решение проблем локальных комьюнити [Putnam, 1995].

Среди отечественных исследователей гражданское участие также анализируется в узком и широком контексте. Одни изучают его, прежде всего, как демократический механизм, влияющий на формирование, изменение, отмену решений государственных и муниципальных органов власти. Различные формы воздействия на органы власти, в том числе онлайн и офлайн-протесты, мобилизация сторонников и ресурсов, создание и тиражирование информации, формирование идентичности и эффекта групповой принадлежности являются инструментами влияния общества на государство [Никовская, Якимец, 2016: 49—63]. Другие исследователи вслед за Р. Патнэмом расширяют понятие гражданского участия за счет включения в концепт разнообразных форм социальных взаимоотношений, делая акцент на определенную самодостаточность процесса реализации общественных инициатив вне рамок политического процесса. [Петухов, 2012: 23—26; Скалабан, 2011: 130—139]. Наблюдается и синтетический подход, соединяющий гражданское и социальное участие в более широком концепте — общественное участие [Никовская, Скалабан 2017: 49—50].

Исследование цифрового гражданского участия (сетевого участия, цифрового активизма) как самостоятельной формы гражданского участия и элемента протестной активности в офлайн — формах стало популярным после событий «Арабской весны» 2010—2011 гг., когда развитие информационно-коммуникативных техно-

логий и их масштабирование превратили коллективные онлайн-действия в заметный фактор политических процессов. [Howard, Hussain, 2013]. Отечественные исследователи обратили внимание на роль социальных медиа в ходе анализа протестных действий в России в 2011—2012 гг. [Ксенофонтова 2012; Ваньке, Ксенофонтова, Тартаковская 2014]. В исследовательской среде получила признание классификация форм сетевого цифрового участия Я. Теочариса, выделившего следующие формы: посты в социальных сетях по тематике социально-политических вопросов; вхождение в тематические группы; осуществление репостов публикаций по социально-политическим вопросам; мобилизация сторонников, разделяющих взгляды тематической группы [Theocharis, 2015: 8].

Е. В. Бродовская и Т. Хуанг по результатам кластерного анализа данных онлайн-опроса российской молодежи определили четыре типа цифрового поведения, концептуализированного как «культура цифрового гражданства», в зависимости от степени вовлеченности в онлайн-практики гражданского активизма: «зрители», «вовлеченные», «активисты», «лидеры» [Бродовская, Хуанг, 2019: 12]. На основе анализа сообщений в сети «ВКонтакте» в период проведения протестных акций в 2018 г. А. С. Ахременко и И. Б. Филиппов подтвердили гипотезу о том, что насильственный разгон уличных акций приводит к увеличению контактов в социальных медиа и улучшению их «качества», ярче маркируя идентичность и ценностные основы протестных акторов сообщества [Ахременко, Филиппов, 2019: 221—222].

Исследователи отмечают возвращение в цифровое участие идеологии, понимаемой как совокупность ценностей, что смещает акцент изучения онлайн-коммуникаций с технологических аспектов платформ и социальных сетей в сторону мобилизационных и организационных технологий «кибер-популизма», «технополитики» [Gerbaudo, 2017: 484—486]. В работе К. Илтен, П.-Б. Макинерни исследуется вопрос формирования коллективной идентичности участников общественных движений в социальных медиа посредством установления плотной сети коммуникации как формы мобилизации на локальном уровне. Локальная коллективная идентичность в цифровом пространстве базируется на консенсусном принятии базовых символов и смыслов социального движения [Ilten, McInerney, 2019: 202].

Особое внимание обращается на характер взаимосвязи онлайн и офлайн-протестов. Первая группа исследователей указывает на значительную вероятность ограничения протестной активности онлайн-сферой, не получающей продолжения в реальных действиях — «быстрый активизм» [Harlow, Harp, 2012: 196—216], «символическое участие» [Haunss, 2015:13—34], «слактивизм» и присоединение к тематической группе в социальной сети с целью получать информацию по интересующей проблеме [Гольбрайх, 2019: 79]. Вторая группа исследователей прослеживает корреляцию между онлайн-мобилизацией и уличными протестами [Tufekci, Wilson, 2012; Breuer, Landman, Farquhar, 2015], показывает логику подготовки офлайн-протестов в процессе коммуникации в социальных медиа [Mercea, 2012], подчеркивает мобилизационную важность наличия независимых источников информации в недемократических режимах [Steinert-Threlkeld, 2017], анализирует саму структуру сети, влияние на уличные протесты конфигурации сетевых взаимодействий, роли акторов, силы связей акторов [Ахременко, Стукал, Петров 2020: 87—88]. Появляются публикации, акценти-

рующие определенное стирание границ между онлайн и офлайн-протестами, рассматривающие виртуальные и реальные акции в форме события и сообщения, которые выполняют функции артикуляции интересов, информирования участников, рекрутирования новых членов, укрепления идентичности [Архипова и др., 2018: 21]. Указывается, что протестная активность в социальных медиа формирует «бинарный медиакод», объединяющий разрозненные недовольства в сети, а целенаправленная деятельность провластных организаций по дискредитации недовольных (троллинг) только усиливает делегитимацию отдельных государственных структур [Бараш, 2018: 134—136].

Понятие протестный экоактивизм в цифровой среде понимается авторами статьи как добровольные, реактивные в отношении к внешней среде онлайн-практики представляющих общество стейкхолдеров по получению, созданию, распространению информации, касающейся экологической проблематики с целью самоорганизации и противодействию офлайн-практикам стейкхолдеров от государственной и муниципальной власти, бизнеса. Данное определение конкретизирует термин «цифровой экологический активизм», предполагающий добровольную совместную деятельность по защите экологических интересов и ценностных представлений в социальных медиа [Ермолаева, Ермолаева, Башева 2020: 376].

Российские исследователи изучают различные аспекты протестного онлайн экоактивизма. На основе метаанализа зарубежных текстов исследовались концепции мотивации участников экоактивизма. Анализировались теории «активации нормы» (изменение поведения под влиянием референтной группы), «Ценности — убеждения — нормы» (баланс эгоистических и альтруистических ценностей предопределяет установки на поведенческую модель), «самовосприятия» (зависимость от предыдущего опыта), «установки — поведение — контекст» (поведение обусловлено комбинацией ценностных норм и ситуативного контекста) [Ермолаева, Ермолаева, 2019].

Изучение цифрового поведения членов протестных экологических групп в социальной сети «ВКонтакте» Санкт-Петербурга выявило в большей степени пассивный характер действий (репосты и комментарии, а не посты), неготовность присоединяться к политическим группам сети (конвертировать локальную экоповестку в локальную оппозиционную деятельность), по сравнению с территориальными группами протестные группы характеризовались более плотной сетью коммуникации [Гольбрайх 2018: 117].

Среди протестных экологических кейсов изучаемого периода самым резонансным представляется «кейс Шиеса», превратившийся из локального экологического конфликта в политический вопрос федерального уровня. О. Д. Цепилова и В. Б. Гольбрайх провели контент-анализ углубленных интервью, проанализировали тематические и территориальные сообщества «ВКонтакте» участников протестного движения в Архангельской области и Республике Коми в парадигме теории мобилизации ресурсов «Ресурсы — Мобилизация — Организация — Результат». Они пришли к выводу, что социальная сеть выступила в роли информатора и мобилизатора на офлайн-активность, а характер протестов приобрел политическую окраску [Цепилова, Гольбрайх, 2020]. Дискурс-анализ полуструктурированных интервью выявил протестный активизм жителей Архангельской области в связи

с кулуарным решением вопроса о строительстве мусорного полигона, чувством несправедливости ресурсных обменов центра и периферии [Чмель, Климова, Митрохина, 2020].

Методология исследования

Авторы исследования решали три задачи: проанализировать структуру экологических тем пользователей социальных сетей для выявления протестного потенциала экологической повестки дня; изучить «Красноярский кейс» протестного онлайн-экоактивизма, его влияние на офлайн-активность; составить индекс протестного потенциала эко-повестки и протестировать его на «Красноярском кейсе». В ходе исследования авторы тестировали следующие гипотезы: а) чем выше онлайн-активность сетевого сообщества накануне офлайн-акций, тем выше мобилизационный результат последних; б) внимание к протестной проблематике селебрити и лидеров общественного мнения (далее — ЛОМ) федерального и международного уровня способствует росту онлайн-активности и интересу общества к экологическим кейсам, но для конвертации гражданского участия в политическое требуются дополнительные переменные; в) политизация экологической повестки дня, ведущая к повышению вероятности реализации политических рисков, является одной из независимых переменных наряду с другими элементами множества.

Для выявления тем эко-повестки в социальных медиа было проанализировано 2,2 млн комментариев, зафиксированных под постами в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter, Facebook, Instagram на экологическую тематику в период 1 января 2021 г. — 14 июня 2021 г. Для анализа использовалось тематическое моделирование методом латентного размещения Дирихле (LDA). Тематическое моделирование представляет собой группу алгоритмов машинного обучения, позволяющих определить темы документов (публикаций СМИ, постов, комментариев, выступлений). Перед построением модели была проведена первичная обработка комментариев, в том числе: удаление знаков препинания, цифр, эмодзи, союзов, предлогов, дубликатов, коротких комментариев (по ним сложно определить тему), комментариев с обращениями (обычно содержат оскорбления). Также удалялись общие слова, например «люди», «страна», поскольку они не являются «маркерами» определенных тем и используются в любых контекстах, производилось объединение частых словосочетаний, например слова «разлив» и «нефть».

По результатам построения модели для каждого комментария рассчитывалась вероятность отнесения к той или иной теме. Соответственно, итоговая тема комментария — это тема с наибольшей вероятностью. Следует учитывать, что тематический анализ позволил выделить темы, по которым фиксируется значительный объем комментариев. При этом другие, менее популярные сюжеты не выделились в отдельные темы ввиду сравнительно небольшого количества комментариев. Кроме того, темы, не имеющие явной смысловой интерпретации — «онлайн — перепалки пользователей», типовые ответы госорганов на обращения граждан — не были включены в итоговый список тем.

Мониторинг «Красноярского кейса» производился по сообществам, посвященным экологическим проблемам в регионе, была использована инфор-

мационно-аналитическая система «Медиалогия». Помимо этого, отдельно рассматривались публикации лидеров общественного мнения по экологическим проблемам Красноярска. Медиаметрические данные по каждой из указанных акций в Красноярске измерялись в сообществах за неделю до ее осуществления из-за частоты их проведения и во избежание смешения показателей по разным акциям. В связи с невысокими показателями активности пользователей комментарийная активность была проанализирована в формате ручного мониторинга в 100 % объеме.

Протестный экоактивизм в социальных медиа

По результатам анализа 2,2 млн комментариев были выделены шесть ключевых тем за период 1 января — 14 июня 2021 г. (см. табл. 1). Комментарии отнесены к темам в соответствии с вероятностями, присвоенными моделью.

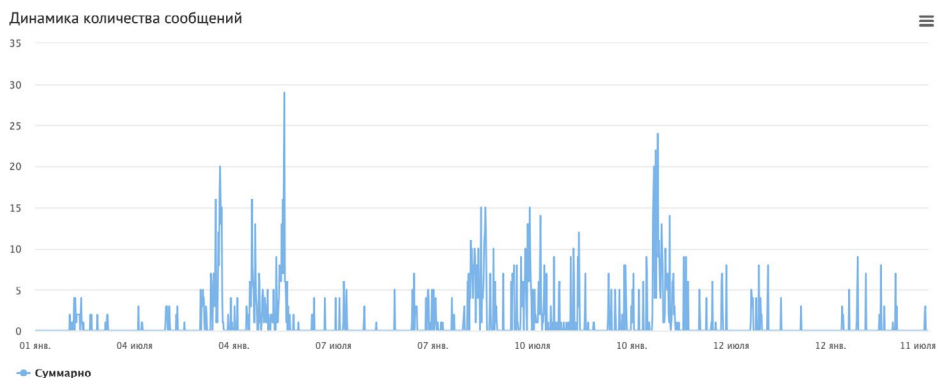
Таблица 1. Темы экологической повестки дня

Ключевые темы комментариев	Процент комментариев
1. Обсуждение жестокого обращения с животными, проблем с бездомными собаками	32
2. Обсуждение вопросов продажи леса в Китай, вырубки лесов, пожаров/поджогов травы и леса, обсуждение запрета собирать березовый сок и дары природы	18
3. Обсуждение загрязнения рек, озер, гибели животных в контексте экологических ЧС, выбросов веществ промышленными предприятиями	15
4. Критика крупных предприятий и коррупции в стране в контексте экологических ЧС. Критика неэффективности влияния налогово-бюджетной политики, судебной практики, штрафов на состояние экологии	14
5. Обсуждения проблем, связанных с вывозом мусора, проблем свалок, уборки территорий	13
6. Обсуждение проблем, связанных с паводками	8

Наибольший протестный потенциал сконцентрирован в темах 4 и 5, непосредственно связанных с долгосрочными и системными конфликтными взаимодействиями стейкхолдеров в лице государства, бизнеса и общества.

«Красноярский кейс» связан с реакцией общества на проблему загрязнения воздуха в городе. «ВКонтакте» существует группа «За чистое небо» (около 8 тыс. подписчиков). Хештег #ЗАЧИСТОЕНЕБО стал узнаваемым символом сообщества. Сообщество «„Красноярск Против“ — экологический вестник» насчитывает около 36 тыс. подписчиков и специализируется на всей эко-повестке региона. Активисты создают отдельные сообщества для конкретных протестных акций (см. рис. 1). Экоактивисты для борьбы с проблемой «черного неба» в 2021 г. решили принять участие в выборах в Законодательное собрание Красноярского края.

Рис. 1. Динамика количества сообщений в сообществах экологических активистов с 2017 г. по июль 2021 г. (по данным ИАС «Медialogия»)

Пики публикаций по теме протестов в медиапространстве зафиксированы 9 декабря 2017 г., 6 февраля 2018 г., 7 апреля 2018 г., 6 и 14 апреля 2019 г., 27 февраля 2020 г. (см. табл. 2).

Таблица 2. Активность экологических онлайн-сообществ

Дата митинга	Число участников	Освещение в медиапространстве (за неделю до митинга)	Вовлеченность пользователей (за неделю до митинга)
18 марта 2017 г.	2 тыс. человек	12 публикаций	344
9 декабря 2017 г.	700 человек	68 публикаций	1998
12 февраля 2018 г.	130 человек	56 публикаций	86
7 апреля 2018 г.	700 человек	105 публикаций	55
3 июля 2019 г.	1 тыс. человек	57 публикаций	442
20 февраля 2020 г.	одиночные пикеты	53 публикации	754
29 февраля 2020 г.	400 человек	112 публикаций	2767

Первый крупный митинг состоялся в марте 2017 г. По сообщениям СМИ данная акция насчитывала наибольшее количество участников (около 2 тыс. человек), в сообществах эоактивистов зафиксирована наименьшая активность пользователей за весь период мониторинга. В сообществах отмечено 12 сообщений с аносами акции. Суммарная вовлеченность по освещению данной акции в соц-медиа составила 344. Комментарийная активность также крайне невысокая — 58 комментариев. Все они сосредоточены в специальном сообществе, которое было создано активистами для проведения митинга, 90 % комментариев носят негативный характер. Пользователи возмущаются бездействием властей, многие не удовлетворены заявлениями о «неблагоприятных метеорологических условиях»

и воспринимают подобные ответы как «отписку». Пользователи делятся фотографиями дымящих труб промышленных предприятий.

Следующий митинг состоялся 9 декабря 2017 г. По нему зафиксировано 68 публикаций в сообществах эоактивистов с вовлеченностью 1998. Комментарийная активность пользователей характеризуется как умеренная (279 комментариев). Из них только 20 % размещены под тематическим пабликом, созданным для проведения митинга. Остальные 80 % сосредоточены под общей группой по теме «Чистого неба» в Красноярске. Большая часть аудитории выражает мнение, что ответственность за экологию лежит на самом населении, которое безответственно потребляет как природные ресурсы, так и загрязняет окружающую среду путем использования автомобилей. Часть пользователей интересуется количеством участников митинга. Некоторые утверждают, что малое число присутствующих (700 чел.) — показатель того, что жителей устраивает экологическая обстановка в городе. Меньшая часть негативно высказывается в адрес власти.

12 февраля 2018 г. состоялся первый несанкционированный митинг против «черного неба». Организатором выступила жительница Красноярска Татьяна Процыкова, которая опубликовала на своей странице в «Инстаграм» пост с призывом выйти на акцию. Через «Инстаграм» жители города активно призывали выйти на митинг под хештегом «#акцияпротеста12февраля». На самой акции жители города указывали на манипуляции городских властей с выбросами вредных веществ перед визитом Президента России. Всего в протестных эко-сообществах в преддверии митинга было зафиксировано 56 публикаций, вовлеченность пользователей оказалась минимальной — 86. Большая часть сообщений посвящена информированию о санкционированном митинге, который был назначен на 7 апреля 2018 г. Комментарийная активность характеризуется как низкая (10 сообщений). В основном это призывы к масштабной огласке проблемы, а также комментарии, что невозможно дышать таким воздухом в городе. Примечательно, что публикаций на тему акции 12 февраля не зафиксировано.

7 апреля 2018 г. прошел третий санкционированный митинг против «черного неба» в Красноярске. В медиапространстве акция начала освещаться еще с февраля 2018 г. Об этом на своей странице в Facebook написал один из организаторов акции Андрей Сквородников-Эрлих. Тема митинга — привлечь внимание общественности и представителей власти к неблагоприятной экологической обстановке в Красноярске. Непосредственно за неделю до самой акции в эко-сообществах отмечается 105 публикаций, вовлеченность равна 55. Комментарийная активность практически отсутствует (всего 7 комментариев). Пользователи жаловались на агрессивную агитацию организаторов.

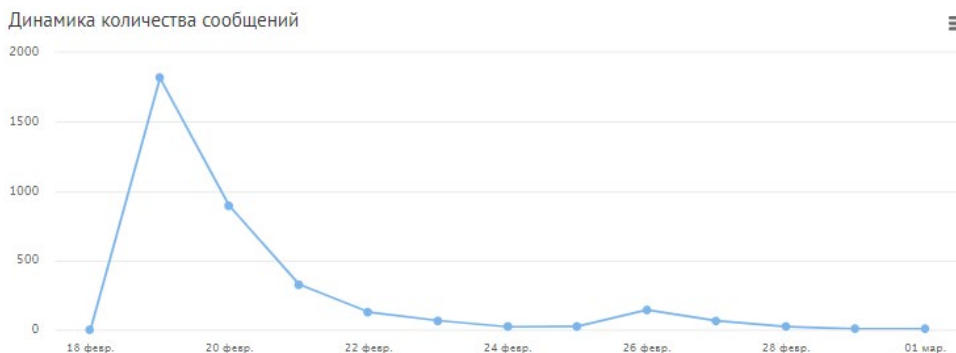
3 июля 2019 г. митинг проходил одновременно со всероссийской акцией «Россия — не помойка». Красноярские активисты через суд добивались проведения акции. В сообществах эоактивистов в преддверии акции было зафиксировано 57 сообщений с вовлеченностью 442. Комментарийная активность составила 125 комментариев, все они были сосредоточены под видео с трансляцией митинга. Пользователи уведомляли, что в скором времени придут на митинг, а также выражали благодарность организаторам акции. В меньшей степени встречались комментарии с критикой в адрес властей.

Наиболее резонансными оказались события, которые проходили в феврале 2020 г. Первоначально речь шла о проведении одиночных пикетов около здания администрации 20 февраля 2020 г., а также о созданном YouTube-блогером Катей Конасовой выпуске, посвященном «задыхающемуся» Красноярску (455 тыс. просмотров). Всего в преддверии одиночных пикетов зафиксировано 53 публикации с вовлеченностью 774. Комментарийная активность составила 147 сообщений. Пользователи возмущаются состоянием экологии в городе. Некоторые заявляют о желании миграции в другие города. Часть предлагает радикальные меры, такие как запрет на пользование личными автомобилями, закрытие заводов и предприятий.

На митинг 29 февраля 2020 г. собралось более 400 человек. Данная акция наиболее активно освещалась в эко-пабликах (112 публикаций) с высокой вовлеченностью аудитории — 2767. Преимущественно освещалось привлечение ЛОМов к проблеме экологии и их равнодушное отношение к ней. Кроме того, шла агитация жителей принять участие в митинге. Комментарийная активность составила 230 сообщений. Пользователи сообщали о намерении присутствовать на акции. Некоторые заявляли, что устали дышать таким воздухом и устали терпеть отношение власти к решению данной проблемы. Отмечаются также призывы к активным протестам на регулярной основе. Зафиксированы идеи смены власти, которая не решает проблем экологии.

В целом в медиапространстве тема «черного неба» в Красноярске активно освещалась как на региональном, так и на федеральном уровне, так как ее комментировали известные ЛОМы и крупные оппозиционные издания. Интерес к «Красноярскому кейсу» проявили российские и зарубежные лидеры общественного мнения, в частности YouTube-журналист А. Пивоваров, певец С. Шнуров, экоактивистка Г. Тунберг. Стихотворение С. Шнурова о «Черном небе Красноярска» широко распространилось в социальных сетях. Более 3,5 тыс. сообщений с упоминанием стихотворения певца было зафиксировано за две недели. Общий охват публикаций составил 58 млн чел. (см. рис. 2).

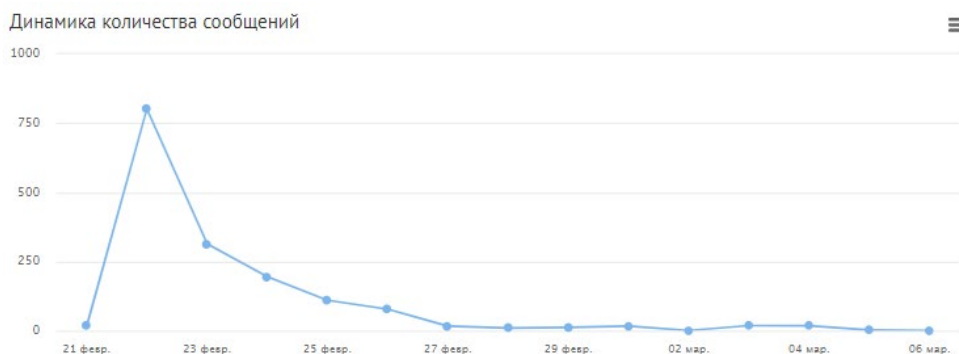
Рис. 2. Динамика количества сообщений с февраля по март 2020 г. (по данным ИАС «Медиалогия»)

Наибольший интерес вызвали публикации, которые размещались в крупных информационных или юмористических пабликах в социальной сети «ВКонтакте». Однако наибольшую комментарийную активность получили публикации под постами, размещенными в региональных пабликах Красноярского края. Реакция пользователей может быть охарактеризована как смешанная. Часть комментаторов благодарила певца за обращение внимания общественности к проблеме, что поможет разрешению ситуации. Часть пользователей посчитала творчество «хайпом» и желанием напомнить о себе в медиапространстве. Фиксируются дискуссии пользователей о важности вовлечения известных людей с неоднозначной репутацией в проблемы региона. В комментариях отмечаются призывы к митингам и протестам.

Обращение к тематике «Красноярского кейса» известной экоактивистки Г. Тунберг вызвало массовый отклик в медиапространстве. Более 1,5 тыс. публикаций с охватом в 39 млн чел. зафиксировано в течение двух недель после репоста активистки (см. рис. 3).

Рис. 3. Динамика количества сообщений с февраля по март 2020 г. (по данным ИАС «Медиалогия»)

Публикации, которые распространялись федеральными СМИ в своих группах в социальных сетях, набрали наибольшее число просмотров среди всех публикаций. Основная масса комментариев расположена под публикациями в оппозиционных источниках федерального уровня. В комментариях отмечена критика федеральных и региональных властей, указываются аналогичные проблемы в других регионах, выражается благодарность активистке за освещение ситуации на мировом уровне.

Насколько значимым фактором региональных (федеральных) политических процессов может стать протестный экоактивизм? Для ответа на этот вопрос авторы предлагают методику расчета индекса протестного экоактивизма (см. табл. 3). Используются пять критериев оценки: локализация, интенсивность, политизация, текущий статус ситуации и потенциал конфликтности.

Таблица 3. **Индекс протестного экоактивизма**

Критерии	Величина балла
Локализация (масштаб территориального и медийного охвата эко-протеста):	Максимум — 10
— <i>местный</i> (муниципальный район, несколько муниципальных районов)	2,5
— <i>региональный</i> (регион)	5
— <i>межрегиональный</i> (несколько регионов)	7,5
— <i>федеральный</i> (Федеральный округ)	10
Интенсивность (уровень онлайн- и офлайн-активности):	Максимум — 30
— <i>эпизодическая</i> (изредка появляются сообщения в СМИ и соцсетях)	7,5
— <i>низкая</i> (регулярная публикационная активность; охват одного сообщения не более 1 тыс. пользователей; не более 1 офлайн-акции в месяц с охватом меньше 100 человек)	15
— <i>средняя</i> (регулярная публикационная активность; охват 1 сообщения не превышает 25 тыс. пользователей; не более 2 офлайн-акций в месяц)	22,5
— <i>высокая</i> (регулярная публикационная активность; охват 1 сообщения превышает 25 тыс. пользователей; 3 и более офлайн-акций в месяц)	30
Политизация (степень вовлеченности политических акторов в протест)	Максимум — 30
— <i>низкая</i> (политические акторы редко упоминают инфоповод)	7,5
— <i>средняя</i> (политические акторы регулярно освещают инфоповод, возможно участие/содействие в организации офлайн-акций)	15
— <i>высокая</i> (политические акторы активно поддерживают протестующих, оказывают им медийную/финансовую/организационную поддержку, выступают одной из сторон конфликта)	22,5
— <i>наивысшая</i> (конфликт становится приоритетным для акторов и является элементом «федеральной повестки» политических сил)	30
Текущий статус ситуации (фаза протеста и перспективы его развития)	Максимум — 20
— <i>«спящий»</i> (низкая активность и интерес аудитории к протесту, малая вероятность разрастания)	5
— <i>«тлеющий»</i> (протест проявляется эпизодически, находится либо в начальной стадии, либо в фазе затухания в связи с невозможностью разрешить спор в пользу протестующих или частичным решением проблемы)	10
— <i>интенсивный</i> (острая фаза пройдена/не достигнута, участники протеста продолжают проявлять значительную активность)	15
— <i>острая фаза конфликта</i> (апогей противостояния, максимальное вовлечение всех ресурсов всеми сторонами конфликта)	20
Потенциал конфликтности (экспертная оценка вероятности обострения конфликта в случае негативного инфоповода (зависит от восприятия аудиторией степени угрозы окружающей среде, жизни и здоровью людей))	Максимум — 10
— <i>низкий</i>	2,5
— <i>средний</i>	5
— <i>высокий</i>	7,5
— <i>наивысший</i>	10
Ранг индекса протестного экоактивизма:	
Низкий индекс	0—40
Средний индекс	41—70
Высокий индекс	71—100

По мнению авторов, «Красноярский кейс» находится в диапазоне 52,5—53 баллов. Локализация — 5 баллов (протесты проходили на территории Красноярского края); интенсивность — 15 баллов (акции проводились с разницей в несколько месяцев); политизация — 15 баллов (политические акторы регулярно освещали акции); текущий статус ситуации — 10 баллов (онлайн-активность протестующих продолжается, что может способствовать эскалации ситуации); Потенциал конфликтности — 7,5 балла (негативные инфоповоды о качестве воздуха в Красноярске выступали катализатором для роста протестной активности).

Выводы и дискуссия

Для тестирования гипотез и решения поставленных задач авторы определили протестный экоактивизм в цифровой среде как добровольные, реактивные в отношении к внешней среде онлайн-практики представляющих общество стейкхолдеров по получению, созданию, распространению информации, касающейся экологической проблематики с целью самоорганизации и противодействию офлайн-практикам стейкхолдеров от государственной и муниципальной власти, бизнеса. Подобная концептуализация позволяет использовать как широкую рамку Р. Патнэма, рассматривавшего гражданский активизм в формах низовой самоорганизации для решения локальных задач без использования политических механизмов, так и более узкую рамку исследователей, предполагающих тесную корреляцию между гражданской активностью и политическим участием в форме предъявления «требований» к органам государственной власти. Авторы статьи также акцентируют внимание на тесном переплетении интересов государства и бизнеса, которые оказываются кооперативными игроками в игре с обществом, что обусловлено причинно-следственной связью экстерналий и экологических проблем.

Мониторинг цифрового экоактивизма показывает, что явный протестный потенциал содержится примерно в 27 % сообщений и связан с негативными экстерналиями хозяйственной деятельности предприятий и недовольством качеством политического менеджмента государственных органов. Активация протестного потенциала связана с возникновением чрезвычайных ситуаций, которые угрожают здоровью людей. Значительное внимание привлекают текущие вопросы охраны животных и пользования объектами природы. Интересно, что по данным ВЦИОМ, молодежь (18—34 года) по сравнению с более старшими возрастными когортами значительно чаще полагает, что у государства есть проблемы важнее, чем экология⁷. Это ставит под сомнение концепцию Р. Инглхарта о доминировании ценностей самовыражения у молодых когорт, что может быть обусловлено различиями в среднем уровне жизни стран Запада и России. Вместе с тем значительный интерес к позитивной, проактивной экологической повестке дня представляется полем для реализации гражданских инициатив со стороны стейкхолдеров в лице общества, государства и бизнеса.

Анализ данных вовлеченности пользователей эко-сообществ «ВКонтакте» по «Красноярскому кейсу» и офлайн-активности митингующих не позволяет

⁷ Аналитический доклад. Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu/> (дата обращения: 10.12.2021).

утверждать, что существует прямая зависимость между высокой вовлеченностью и большим количеством митингующих. Не отрицая роли социальных медиа как информатора, организатора митингов, средства формирования идентичности можно скорее утверждать ситуативный, контекстный характер офлайн-протестов. Авторы полагают, что в данном случае применимо объяснение теории «установки — поведение — контекст», где уличная активность, требующая значительно больших ресурсных издержек по сравнению с онлайн-активностью, представляется функцией от ценностных норм и ситуативного контекста.

«Красноярский кейс» рассматривается как симбиоз проявления низовой самоорганизации для решения локальной задачи и использования офлайн-акций с артикуляцией требований к государству и выдвижением кандидатов в областной парламент. Можно предположить, что специфика кейса также влияет на интенсивность офлайн-протестов — в частности, исследование ВЦИОМ выявило, что за исключением ЧС, загрязнение воздуха как причина выхода на митинг стоит на девятом месте⁸. «Красноярский кейс» может быть отнесен к третьей по популярности теме экологической повестки — выбросы промышленных предприятий. Данная тема, с одной стороны, воспринимается как «несправедливые» действия бизнеса и бездействие государства, с другой — как неизбежные экстерналии крупных работодателей, обеспечивающих рабочие места.

Подключение к проблематике кейса селебрити — лидеров общественного мнения федерального и мирового масштаба не гарантирует разрешения конфликтов, но способствует привлечению внимания широкой интернет-аудитории и рассмотрению локальной ситуации как части национальной или мировой повестки. Информационный поток от селебрити и ЛОМов в оппозиционных СМИ вызывает всплеск онлайн-активности в форме критичных по отношению к государственной власти комментариев, однако согласно «эффекту эхо-камеры», протестный потенциал не распространяется за пределы приверженцев определенного СМИ. Подтверждается гипотеза о том, что для трансформации гражданского участия в форме низовой самоорганизации с целью решения локальной задачи в политическое участие с агрегацией и артикуляцией «требований» к государству требуется наличие нескольких независимых переменных. Селебрити и ЛОМы воздействуют, прежде всего, на две переменные: локализация (медийный охват эко— протеста) и политизация (как непосредственно, если селебрити и ЛОМы выступают от лица политических сил, так и косвенно, если они привлекают интерес сторонних политических сил).

Индекс протестного эоактивизма позволяет произвести скоринг конкретного кейса и выразить его в балльной системе, классифицировать масштаб проблемы на основе критериев локализации, интенсивности, политизации, текущего статуса ситуации и потенциала конфликтности. Попадание кейса в зону высокого индекса приводит к мобилизации ресурсов стейкхолдеров, требует консенсусного решения представителей общества, государства, бизнеса. «Красноярский кейс» классифицирован как имеющий средний индекс протестного эоактивизма. Можно пред-

⁸ Аналитический доклад. Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu/> (дата обращения: 10.12.2021).

положить, что маркером перехода от более широкого понимания гражданского участия как формы самоорганизации для решения локальной задачи к активному политическому участию в форме предъявления требований можно считать достижение порогового значения (71 балл) по индексу протестного экоактивизма. Наиболее важной переменной можно считать «политизацию», которая осуществляется как непосредственно задействованными в конфликте внутренними акторами кейса, так и акторами внешними. Кейсы «мусорных протестов» в России показали, что на политизацию влияют не только объективные факторы, связанные с ущербом здоровью и природе, но и представление о справедливости во взаимоотношениях общества, государства и бизнеса.

Список литературы (References)

Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.

Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilova M. V. (2018) «Rally Rebuild»: Internet in Protest and Protest on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.
Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020). Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Филиппов И. Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>.

Akhremenko A. S., Philippov I. B. (2019) Impact of the Violent Suppression of Protest on its Discussion in Social Networks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 200—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>. (In Russ.)

Бараш Р. Э. Системно-коммуникативная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 123—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.08>.

Barash R. Ed. (2018) Systematic and Communicative Theory of the Protest Movement: Protest as “An Alternative without an Alternative”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 123—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.08>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России: интегрированность, управление и мобилизационный потенциал // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 3—27. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1043> (дата обращения: 10.12.2021).

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N. (2020). Digital Communities of Civil and Political Activists in Russia: Integration, Governance and Mobilization Potential. *Bulletin of Moscow Region State University*. No. 4. P. 3—27. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/articles/doc/1043> (accessed: 10.12.2021). (In Russ.)

Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

Brodovskaya E. V., Huang T. (2019) Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>. (In Russ.)

Ваньке А. В., Ксенофонтова И. В., Тартаковская И. Н. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6. № 7. С. 44—73. https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4380&l=&j=7&base=_inter (дата обращения: 10.12.2021).

Vanke A. V., Ksenofontova I. V., Tartakovskaya I. N. (2014) Internet Communications as a Means and Condition of Political Mobilization in Russia (On the Example of the Movement “For Fair Elections”). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 6. No. 7. P. 44—73. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4380&l=&j=7&base=_inter (accessed: 10.12.2021). (In Russ.)

Гольбрайх В. Б. Члены экологических групп в социальных медиа: цифровое участие и интересы // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 91—119. URL: <http://petersociology.ru/ru/node/611> (дата обращения: 10.12.2021).

Golbraich V. B. (2018) Members of Environmental Groups in Social Media: Digital Participation and Interests. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 9. P. 91—119. URL: <http://petersociology.ru/ru/node/611> (accessed: 10.12.2021). (In Russ.)

Гольбрайх В. Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74—85. <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>.

Golbraich V. B. (2019) Ecoconflicts in Russia in Russia And Digital Networks Participation. *Sociological studies*. No. 6. P. 74—85. <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>. (In Russ.)

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 323—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.

Ermolaeva P. O., Ermolaeva Y. V. (2019) Critical Analysis of Foreign Theories of Environmental Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 323—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>. (In Russ.)

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В., Башева О. А. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 376—408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>.

Ermolaeva P. O., Ermolaeva Yu. V., Basheva O. A. (2020). Digital Environmental Activism as a New Form of Environmental Participation of the Population. *Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 376—408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>. (In Russ.)

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart R. (2018) Cultural Evolution: How People's Motivations Are Changing and How This Is Changing the World. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Каминская Т. Л., Помигуев И. А., Назарова Н. А. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 382—407. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.18>.

Kaminskaya T. L., Pomiguyev I. A., Nazarova N. A. (2019) Digital Environmental Activism as an Instrument of Influence on Government Decisions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 382—407. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.18>. (In Russ.)

Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 114—116.

Ksenofontova I. V. (2012) The Role of the Internet in the Development of the Protest Movement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 114—116. (In Russ.)

Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>.

Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. (2017) Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>. (In Russ.)

Никовская Л. И., Якимец В. Н. Институциональное развитие межсекторального партнерства в России // Полис. Политические исследования. № 5. 2016. С. 49—63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05>.

Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. (2016) Institutional Development of Intersectoral Partnership in Russia. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 49—63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05>. (In Russ.)

Петухов В. В. Гражданское общество и гражданское участие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 23—26. Petukhov V. V. (2012) Civil Society and Civil Participation. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 23—26. (In Russ.)

Радина Н. К., Крупная Д. А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 113—127. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.09>.

Radina N. K., Krupnaya D. A. (2019) Digital Policy Participation: Efficiency of E-Petitions of Non-State Digital Platforms (Based on the Material of Change.org). *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 113—127. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.09>. (In Russ.)

Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 130—139. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (дата обращения: 10.12.2021).

Skalaban I. A. (2011) Social, Public and Civic Participation: To the Problem of Understanding Concepts. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 1. P. 130—139. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (accessed: 10.12.2021). (In Russ.)

Цепилова О. Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 2. С. 20—27. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>

Tsepilova O. D. (2019) Political and Socio-Economic Development of Modern Russia: Environmental Restrictions and Risks. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 2. P. 20—27. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>. (In Russ.)

Цепилова О. Д., Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018—2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 4. С. 136—162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>.

Tsepilova O., Golbraih V. (2020) Environmental Activism: Resource Mobilisation for “Garbage” Protests in Russia in 2018—2020. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 4. P. 136—162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. (In Russ.)

Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина Е. М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного перегона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83—98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>.

Chmel K. Sh., Klimova A. M., Mitrokhina E. M. (2020) The Politicization of Environmental Discourse in Arkhangelsk Region: The Landfill Site at Shies Railroad Station. *The Journal*

of Social Policy Studies. Vol. 18. No. 1. P. 83—98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Российские мегаполисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // *Общественные науки и современность*. 2018. № 1. С. 5—16. URL: <https://ons-journal.ru/s086904990004050-7-1/> (дата обращения: 13.12.2021).

Yanitsky O. N. (2018) Socio-Ecological Challenges to Russian Megalopolises. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 5—16. URL: <https://ons-journal.ru/s086904990004050-7-1/> (accessed: 13.12.2021). (In Russ.)

Breuer A., Landman T., Farquhar D. (2015) Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the Tunisian Revolution. *Democratization*. Vol. 22. No. 4. P. 764—792. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.885505>.

Buchholz W., Rübhelke D. (2019) *Foundations of Environmental Economics*. Cham: Springer.

Endres A. (2011) *Environmental Economics: Theory and Policy*. Revised, Expanded Edition. Cambridge: Cambridge University Press.

Gerbaudo P. (2017) From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Journal for a Global Sustainable Information Society*. Vol. 15. No. 2. P. 477—489. <https://doi.org/10.31269/triplec.v15i2.773>.

Harlow S., Harp D. (2012) Collective Action on the Web. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 2. P. 196—216. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.591411>.

Haunss S. (2015) Promise and Practice in Studies of Social Media and Movements. In: L. Dencik, O. Leistert (eds.) *Critical Perspectives on Social Media and Protest: Between Control and Emancipation*. London: Rowman & Littlefield International. P. 13—31.

Howard P., Hussain M. (2013) *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: Oxford University Press.

Hsiang S., Oliva P., Walker R. (2017) The Distribution of Environmental Damages. NBER Working Paper No. 23882. September. <https://doi.org/10.3386/w23882>.

Ilten C., McInerney P-B. (2019) *Social Movements and Digital Technology: A Research Agenda*. DigitalSTS. A Field Guide for Science & Technology Studies. Princeton University Press. P. 198—221. URL: <https://digitalsts.net/essays/social-movements-and-digital-technology/> (accessed: 13.12.2021).

Mercea D. (2012) Digital Prefigurative Participation: The Entwinement of Online Communication and Offline Participation in Protest Events. *New Media & Society*. Vol. 14. No. 1. P. 153—169. <https://doi.org/10.1177/1461444811429103>.

Putnam R. D. (1995) Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664—683. URL: <https://www.uvm.edu/~dguber/POLS293/articles/putnam1.pdf> (accessed: 19.12.2021).

Steinert-Threlkeld Z.C. (2017) Spontaneous Collective Action: Peripheral Mobilization During the Arab Spring. *American Political Science Review*. Vol. 111. No. 2. P. 379—403. <https://doi.org/10.1017/s0003055416000769>.

Theocharis Y. (2015) The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*. July-December: 1—14. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.

Tufekci Z., Wilson C. (2012) Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*. Vol. 62. No. 2. P. 363—379. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x>.

Verba S. (1967) Democratic Participation. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 373. No. 1. P. 53—78. <https://doi.org/10.1177/000271626737300103>.